

Кант Иммануил

**Критика способности
суждения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И53

И53 **Иммануил К.**
Критика способности суждения / Кант Иммануил – М.: Книга по Требованию,
2022. – 398 с.

ISBN 978-5-519-88053-4

ISBN 978-5-519-88053-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Способность познанія изъ принциповъ а ргіогі можно назвать чистымъ разумомъ, а изслѣдованіе о возможности и границахъ ея можно назвать критикою чистаго разума вообще, хотя подъ этою способностью понимаютъ только разумъ въ его теоретическомъ примѣненіи, какъ это и было въ первомъ сочиненіи подъ этимъ заглавіемъ, не подвергая при этомъ особому изслѣдованію эту способность, какъ практическій разумъ, по ея особымъ принципамъ. Тогда эта критика имѣетъ дѣло только съ нашею способностью познать вещи а ргіогі; она, слѣдовательно, занимается только способностью познанія, причемъ здѣсь исключается чувство удовольствія и неудовольствія и способность желанія; а въ познавательной способности она имѣетъ дѣло съ **разсудкомъ** въ его принципахъ и не вводитъ сюда способности сужденія и разума (какъ способностей, которыя тоже относятся къ теоретическому познанію), такъ какъ въ ея развитіи оказывается, что никакая другая познавательная способность, кромѣ разсудка, не можетъ дать конститутивныхъ принциповъ познанія а ргіогі. Слѣдовательно, критикѣ, которая разсматриваетъ всѣ эти способности въ томъ, что каждая изъ нихъ могла бы дать для познанія изъ своихъ собственныхъ источниковъ, ничего не остается, { кромѣ того, что разсудокъ предпосылаетъ а ргіогі, какъ законъ, для природы, какъ совокупности явленій (форма которыхъ тоже дана а ргіогі); но она указываетъ и всѣ другія чистыя понятія подъ идеями, которыя слишкомъ велики для нашей теоретической способности познанія, но несомнѣнно бесполезны и не излишни для насъ, такъ какъ служатъ для насъ регулятивными принципами,—отчасти для того, чтобы сдерживать опасныя притязанія разсудка, когда онъ (пбо онъ а ргіогі могъ указать условія возможности всѣхъ вещей, какія только онъ можетъ познать) предполагаетъ, что черезъ это онъ заключилъ въ эти границы и возможность всѣхъ вещей вообще, отчасти для того, чтобы въ изслѣдованіи природы руководить имъ по принципу той законченности изслѣдованія, которой онъ

никогда не можетъ достигнуть, и этимъ содѣйствовать конечной цѣли всякаго познанія.

Слѣдовательно, здѣсь собственно разсудокъ, который имѣетъ свою собственную область и притомъ въ познавательной способности, поскольку онъ заключаетъ въ себѣ конститутивные принципы познанія а priori, одинъ изъ числа всѣхъ другихъ соискателей долженъ быть введенъ въ безспорное владѣніе посредствомъ критики чистаго разума, называемой такъ вообще. Точно также въ критикѣ практическаго разума должно быть указано его владѣніе разуму, который не имѣетъ никакихъ конститутивныхъ принциповъ а priori, кромѣ тѣхъ, какіе имѣютъ отношеніе къ способности желанія.

Настоящая критика способности сужденія занимается изслѣдованіемъ того, имѣетъ ли и способность сужденія, которая въ порядкѣ нашихъ познавательныхъ способностей представляетъ изъ себя средній членъ между разсудкомъ и разумомъ, и сама по себѣ принципы а priori, будутъ ли это конститутивные принципы или только регулятивные (которые, слѣдовательно, не имѣютъ никакой своей собственной области), и даетъ ли она а priori правило чувству удовольствія и неудовольствія, какъ среднему члену между познавательною способностью и способностью желанія (точно такъ же, какъ разсудокъ а priori предписываетъ законы первой, а разумъ послѣдней).

Критика чистаго разума, т. е. нашей способности судить по принципамъ а priori, была бы неполной, если бы способность сужденія, которая, какъ познавательная способность, и сама по себѣ имѣетъ претензію на это, не была бы изслѣдована, какъ особая часть этой критики, хотя ея принципы въ системѣ чистой философіи не составляютъ особой части между теоретическою и практическою философіею, а по обстоятельствамъ могутъ примыкать то къ той, то къ другой изъ нихъ. Если такой системѣ когда-нибудь суждено осуществиться подъ общимъ названіемъ метафизики (создать которую во всей ея полнотѣ возможно и во всѣхъ отношеніяхъ полезно для примѣненія разума), то критика заранѣе должна изслѣдовать почву для этого зданія до той глубины, на которой лежитъ первая основа способности принциповъ, независимыхъ отъ опыта, чтобы система не стала колебаться въ какой-либо части, что неизбежно повлекло бы за собою крушеніе всего.

Но изъ природы способности сужденія (правильное примѣненіе которой настолько необходимо и всеобще, что подъ именемъ здра-

ваго смысла обыкновенно понимают не что иное, как именно эту способность) легко замѣтить, что найти ея своеобразный принципъ (что-нибудь она должна заключать въ себѣ и а priori, ибо иначе она не подлежала бы даже самой общей критикѣ, какъ особая познавательная способность) сопряжено съ большими затрудненіями и этотъ принципъ не можетъ быть выведенъ изъ понятій а priori, ибо они относятся къ разсудку, а способность сужденія имѣетъ дѣло только съ ихъ примѣненіемъ. Она, слѣдовательно, сама должна дать понятие, черезъ которое собственно еще никакая вещь не познается, но которое для нея самой служить правиломъ, чтобы къ нему можно было подогнать ея сужденія, но не объективнымъ, ибо для этого снова была бы нужна способность сужденія, чтобы имѣть возможность рѣшить вопросъ, подходитъ ли данный случай подъ правило, или нѣтъ.

Это затрудненіе по поводу принципа (будетъ ли онъ объективнымъ, или субъективнымъ) встрѣчается главнымъ образомъ въ тѣхъ сужденіяхъ, которыя называются эстетическими и которыя касаются прекраснаго или высокаго въ природѣ или въ искусствѣ. И тѣмъ не менѣе критическое изслѣдованіе о принципѣ способности сужденія въ нихъ составляетъ самое важное дѣло критики этой способности. Хотя сами по себѣ они ничего не вносятъ въ познаніе вещи, они все таки относятся къ познавательной способности и указываютъ непосредственное отношеніе этой способности къ чувству удовольствія или неудовольствія по какому-либо принципу а priori, не смѣшиваясь при этомъ съ тѣмъ, что могло бы быть основой опредѣленія способности желанія, ибо эта способность имѣетъ свои принципы а priori въ понятіяхъ разума.

Но что касается логическаго сужденія о природѣ, гдѣ опытъ указываетъ такую цѣлесообразность въ вещахъ, для пониманія и объясненія которой уже недостаточно общаго разсудочнаго понятія о чувственномъ, и гдѣ способность сужденія можетъ заимствовать принципъ отношенія вещи въ природѣ къ непознаваемому сверхчувственному изъ себя самой и должна употреблять его только по отношенію къ себѣ самой для познанія природы, то такой принципъ можно и должно а priori примѣнять къ познанію міровой сущности, и этотъ принципъ открываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ виды, которые очень полезны для практическаго разума; но это не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ чувству удовольствія и неудовольствія, что именно и составляетъ самое загадочное въ принципѣ способности сужденія

и что дѣлаетъ необходимымъ особый отдѣлъ въ критикѣ для этой способности, такъ какъ логическая оцѣнка по понятіямъ (изъ которой никогда нельзя извлечь непосредственнаго вывода для чувства удовольствія и неудовольствія) всегда относится къ теоретической части философіи вмѣстѣ съ ея критическими ограниченіями.

А такъ какъ изслѣдованіе способности вкуса, какъ эстетической способности сужденія, производится здѣсь не ради развитія и культуры вкуса (это, какъ прежде, всегда будетъ идти своимъ собственнымъ путемъ и безъ подобныхъ изысканій), но только съ трансцендентальною цѣлью, то оно будетъ, лишь себя надеждою, судить снисходительно, если оно будетъ и не вполне соответствовать этой цѣли. Что же касается до послѣдней цѣли, то ее можно подготовить только путемъ самой строгой критики. Слишкомъ большія затрудненія при рѣшеніи проблемы, которую такъ запутала сама природа, могутъ служить, какъ я надѣюсь, извиненіемъ нѣкоторой темноты въ ея рѣшеніи (совсѣмъ избѣжать которой невозможно), если только будетъ достаточно ясно доказано, что самый принципъ указанъ вѣрно; способъ вывести отсюда феноменъ способности сужденія далеко не допускаетъ такой ясности, какою по справедливости можно требовать въ другомъ мѣстѣ, а именно въ познаніи по понятіямъ, чего надѣюсь, и достигъ во второй части этого труда.

Этимъ, слѣдовательно, я и закончиваю всю свою критическую работу. И безъ замедленія перехожу къ доктринальной части, чтобы, гдѣ возможно, отъ моей увеличивающейся старости выиграть для этого еще сколько-нибудь благопріятнаго времени. Само собою понятно, что въ ней не будетъ особаго отдѣла для способности сужденія, такъ какъ по отношенію къ ней критика замѣняетъ теорію; но эту работу, по раздѣленіи философіи на теоретическую и практическую, и чистой философіи на столько же частей, — эту работу будетъ составлять метафизика природы и метафизика нравовъ.)

ВВЕДЕНИЕ.

I.

О дѣленіи философіи.

Поступаютъ вполне справедливо, когда философію, поскольку она заключаетъ въ себѣ познаніе вещей въ разумѣ (не только, какъ логика, принципъ формы мышленія вообще безъ различія объектовъ) черезъ понятія, дѣлятъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, на теоретическую и практическую. Но тогда и понятія, которыя указываютъ принципамъ этого познанія разума ихъ объектъ, должны быть специфически-различными, ибо иначе они не оправдываютъ никакого дѣленія, которое всегда предполагаетъ противопоставленіе принциповъ познанія разума, относящагося къ различнымъ частямъ науки.

Есть только два вида понятій, которыя допускаютъ столько же различныхъ принциповъ возможности ихъ предметовъ, именно понятія природы и понятіе свободы. Такъ какъ первыя дѣлаютъ возможнымъ теоретическое познаніе по принципамъ а priori, а второе по отношенію къ нимъ уже въ своемъ понятіи вводятъ съ собою только отрицательный принципъ (простаго противопоставленія), но создаетъ для опредѣленія воли расширяющія основоположенія, которыя поэтому называются практическими, — то философію по справедливости дѣлятъ на двѣ, уже по принципамъ совершенно различныхъ, части — на теоретическую, какъ натуръ-философію, и на практическую, какъ моральную философію (ибо такъ будетъ называться практическое законодательство разума по понятію свободы). До сихъ поръ сильно злоупотребляли этими выраженіями для дѣленія различныхъ принциповъ, а вмѣстѣ съ ними и самой философіи, такъ какъ практическое по понятіямъ природы считали тождественнымъ съ практическимъ по понятію свободы и та-

кимъ образомъ подъ тѣми же самыми названіями теоретической и практической философіи давали дѣленіе, въ которомъ собственно (такъ какъ обѣ части могли имѣть одни и тѣ же принципы) въ сущности ничего не дѣлилось.

Воля, какъ способность желанія, есть именно одна изъ многихъ физическихъ причинъ въ мірѣ, а именно та, которая дѣйствуетъ по понятіямъ; и все, что можно представить себѣ, какъ возможное (или необходимое) черезъ волю, называется практически-возможнымъ (или необходимымъ), въ отличіе отъ физической возможности или необходимости дѣйствія, гдѣ причина опредѣляется въ причинности не черезъ понятіе (въ бездушной матеріи черезъ механизмъ, а у животныхъ черезъ инстинктъ). Но здѣсь по отношенію къ практическому остается неопредѣленнымъ, есть ли понятіе, которое даетъ правило причинности воли, понятіе природы или понятіе свободы?

Послѣднее различіе существенно. Если понятіе, опредѣляющее причинность, есть понятіе природы, то принципы будутъ техническими, а если это понятіе свободы, то принципы будутъ морально-практическими; такъ какъ въ дѣленіи науки разума все и всецѣло сводится именно къ этому различію предметовъ, познаніе которыхъ требуетъ различныхъ принциповъ, то первые будутъ относиться къ теоретической философіи (какъ ученіе о природѣ), а вторые создадутъ исключительно вторую часть ея, а именно практическую философію (какъ ученіе о нравственности).

Всѣ технико-практическія правила (т. е. правила искусства и умѣнья вообще или правила благоразумія, какъ умѣнья оказывать вліяніе на людей и на ихъ волю), поскольку ихъ принципы основываются на понятіяхъ, должны быть отнесены къ теоретической философіи, только какъ королларіи. Они касаются только возможности вещей по понятіямъ природы, куда относятся не только средства, которыя для этого даются въ природѣ, но даже сама воля (какъ способность желанія, значить, какъ естественная способность), поскольку она можетъ быть опредѣляема естественными побужденіями соотвѣтственно этому правилу. Но такія практическія правила называются не законами (подобно физическимъ), а только предписаніями и притомъ потому, что воля стоитъ не только подъ понятіемъ природы, но и подъ понятіемъ свободы, по отношенію къ которому ея принципы называются законами и со всѣми ихъ слѣдствіями создаютъ вторую часть философіи, именно практическую.

Слѣдовательно, какъ рѣшеніе проблемы чистой геометріи не составляетъ ея собой части или какъ землемѣріе не заслуживаетъ имени практической геометріи въ отличіе отъ чистой и не есть вторая часть геометріи вообще, — какъ механическое или химическое искусство экспериментовъ или наблюденій не можетъ относиться къ практической части естествовѣдѣнія, — такъ же домашнее, сельское и государственное хозяйство, искусство обхожденія, предписанія діететики, даже общее ученіе о счастіи, даже обузданіе склонностей и укрощеніе аффектовъ ради послѣдняго ученія, не могутъ относиться къ практической философіи и не могутъ создавать второй части философіи; все это заключаетъ въ себѣ только правила умѣнья, значитъ, технико-практическія правила, чтобы произвести дѣйствіе, возможное по естественнымъ понятіямъ причинъ и дѣйствій, которыя, такъ какъ они относятся къ теоретической философіи, подчинены этимъ предписаніямъ, только какъ коллараіи изъ нихъ (изъ естествовѣдѣнія), слѣдовательно, не могутъ требовать себѣ мѣста къ особой философіи, которую называютъ пракческою. [Но морально-практическія предписанія, которыя всецѣло основываются на понятіи свободы и совершенно исключаютъ основы природы, создаютъ совершенно особый видъ предписаній; эти предписанія, подобно правиламъ, которымъ повинуетъ природа, называются просто законами, но основываются не на чувственныхъ условіяхъ, какъ законы природы, а на сверхчувственномъ принципѣ, и рядомъ съ теоретическою частью философіи требуютъ, и только для себя, и другую часть, подъ именемъ практической философіи.]

Отсюда видно, что совокупность практическихъ предписаній, которыя даетъ философія, создаетъ особую часть ея, которая становится рядомъ съ теоретическою, не потому, что это практическія предписанія, ибо такими они могли бы быть, если бы ихъ принципы были цѣликомъ взяты изъ познанія природы (какъ технико-практическія правила), но только потому и въ томъ случаѣ, если ихъ принципъ заимствуется не изъ понятія природы, которое всегда чувственно-обусловлено, но основывается на сверхчувственномъ, которое даетъ познать понятіе свободы только черезъ формальный законъ; слѣдовательно, это морально-практическіе законы, безъ предварительнаго отнесенія ихъ къ цѣлямъ и намѣреніямъ, а не только предписанія и правила въ томъ или другомъ отношеніи.

II.

Объ области философіи вообще.

Примѣненіе нашей способности познанія по принципамъ, а съ нимъ и философія, простирается до той черты, въ предѣлахъ которой имѣютъ свое значеніе понятія a priori.

Совокупность всѣхъ предметовъ, къ которымъ относятся эти понятія, чтобы, гдѣ можно, познать эти предметы, можно дѣлить, по различной степени достаточности или недостаточности нашей способности для этой цѣли.

Понятія, поскольку они относятся къ предметамъ, не смотря на то, возможно ли познаніе этихъ предметовъ или нѣтъ, имѣютъ свое поле, которое опредѣляется по тому отношенію, какое ихъ объектъ имѣетъ къ нашей познавательной способности вообще. Часть этого поля, въ которомъ для насъ возможно познаніе, есть почва (*territorium* для этихъ понятій и для необходимой для этого познавательной способности. Часть почвы, на которой эти понятія бываютъ законодательными, есть область (*ditio*) этихъ понятій и потребной для нихъ познавательной способности. Слѣдовательно, опытные понятія, хотя и имѣютъ почву въ природѣ, какъ совокупности всѣхъ предметовъ внѣшнихъ чувствъ, но не имѣютъ въ ней области, а только пребываніе (*domicilium*), такъ какъ, хотя они возникли законно, это не законодательныя понятія и правила, обоснованныя на нихъ, эмпирическія, значитъ, случайныя правила.

Вся наша познавательная способность имѣетъ двѣ области, — область понятій природы и область понятія свободы, — ибо черезъ эти понятія она является a priori законодательною. Соотвѣтственно этому философія дѣлится на теоретическую и практическую. Но почва, на которой создается ея область и примѣняется ея законодательство, всегда только совокупность предметовъ всякаго возможнаго опыта, поскольку они признаются не за что либо иное,

а только за явленія, ибо безъ этого нельзя было бы мыслить по отношенію къ нимъ никакого законодательства разсудка.

Законодательство черезъ понятія природы совершается черезъ разсудокъ и быиаеть теоретическимъ. Законодательство черезъ понятіе свободы происходитъ черезъ разумъ и бываетъ только практическимъ. И только въ практическомъ отношеніи разумъ можетъ быть законодательнымъ; по отношенію къ теоретическому познанію (природы) онъ можетъ только (какъ законотѣдъ, посредствомъ разсудка) извлекать изъ данныхъ законовъ путемъ умозаключеній выводы, которые никогда не могутъ идти дальше природы. Но, и тамъ, гдѣ есть практическія правила, разумъ только поэтому еще не становится тотчасъ же законодательнымъ, ибо эти правила могутъ быть и технико-практическими правилами.

Разсудокъ и разумъ имѣютъ, слѣдовательно, два различныхъ законодательства на одной и той же почвѣ опыта, не стѣсняя при этомъ другъ друга. Какъ понятіе природы не имѣетъ вліянія на законодательство черезъ понятіе свободы, такъ и понятіе свободы не вліяетъ на законодательство природы. Критика чистаго разума доказала возможность, по крайней мѣрѣ безъ противорѣчія, мыслить совместное существованіе двухъ законодательствъ и присущихъ имъ способностей, такъ какъ она уничтожила возраженія противъ этого, раскрывъ въ этихъ возраженіяхъ діалектическую иллюзію!

Но то, что эти двѣ различныя области, которыя, хотя и не въ ихъ законодательствѣ, но въ чувствennomъ мірѣ, безпрестанно ограничиваются и не создаютъ одного, происходитъ отъ того, что хотя понятіе природы, можетъ едѣлать представимыми свои предметы въ созерцаніи, но не какъ вещи въ себѣ, а только какъ явленія, тогда какъ понятіе свободы въ своемъ объектѣ, хотя и представляютъ вещи въ себѣ, но не даетъ ихъ въ созерцаніи; значитъ, ни одно изъ нихъ не можетъ дать теоретическаго познанія о своемъ объектѣ (и даже о мыслящемъ субъектѣ), какъ вещи въ себѣ, что было бы сверхчувственнымъ; правда, идею о немъ можно положить въ основу возможности всѣхъ этихъ предметовъ опыта, но само оно никогда не можетъ подняться и расшириться до познанія.

Есть, слѣдовательно, безграничное, но и недоступное для всей нашей способности познанія, поле, именно поле сверхчувственнаго, на которомъ мы не находимъ для себя никакой почвы и, значитъ, на немъ не можемъ имѣть области теоретическаго познанія, ни для

понятій разсудка, ни для понятій разума; хотя это поле въ интересахъ какъ теоретическаго, такъ и практическаго примѣненія разума, мы можемъ покрыть идеями, но этимъ идеямъ по отношенію къ законамъ изъ понятія свободы мы не можемъ дать никакой другой реальности, кромѣ практической, и черезъ это наше теоретическое познаніе отнюдь не расширяется до сверхчувственнаго.

Но, Хотя между областю понятій природы, какъ областю чувственнаго, и областю понятія свободы, какъ областю сверхчувственнаго, открывается необходимая пропасть, такъ что отъ первой невозможенъ никакой переходъ ко второй (слѣдовательно, посредствомъ теоретическаго примѣненія разума), какъ будто бы это были настолько различные міра, что первый не можетъ имѣть вліянія на второй, — все таки второй долженъ имѣть вліяніе на первой; именно понятіе свободы должно осуществлять въ чувственномъ мірѣ ту цѣль, которую ставятъ его законы; и природу, слѣдовательно, надо мыслить такъ, чтобы закономѣрность ея формы соответствовала, по крайней мѣрѣ, возможности цѣли, осуществляемой въ ней по законамъ свободы. Слѣдовательно, это должно дать основу единства сверхчувственнаго, которое лежитъ въ основѣ природы, съ тѣмъ, что практически заключаетъ въ себѣ понятіе свободы, для чего понятіе, хотя оно ни теоретически, ни практически не достигаетъ познанія его, значить, не имѣетъ своей собственной области, все таки дѣлаетъ возможнымъ переходъ отъ мышленія по принципамъ одного къ мышленію по принципамъ другого.]